

Новая Польша 2/2011

0: КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ ГЕНРИКИ КШИВОНОС

Генрика Кшивонос была вагоновожатой в Гданьске. 15 августа 1980 г. она остановила свой трамвай, и это послужило началом забастовки городского общественного транспорта, в поддержку той забастовки, которая уже шла на судовой верфи. Кшивонос была членом президиума Межзаводского забастовочного комитета и в этом качестве подписала Гданьское соглашение с правительством. После 1989 г. она отошла от политической жизни и возглавляет семейный детский дом. Ее знают по смелым и бескомпромиссным публичным выступлениям. Интервью с Генрикой Кшивонос было опубликовано в «Новой Польше» (2009, №5). В 2010 г. издательство «Критика политична» («Политическая критика») выпустило книгу «Бедность. Руководство для детей», которая знакомит юных читателей со сложными проблемами социального неравенства и бедности. Автор текста — Ханна Гилл-Пёнтек, автор иллюстраций — Анна Плюта. Завершают книгу короткие автобиографические рассказы Генрики Кшивонос. Вот несколько из них.

Старые полукеды

Маловаты ботинки? В моей жизни не было маловатых ботинок, так как у меня их вообще почти никогда не было. Я всё время ходила в полукедах. На площади у костела св. Ядвиги в Новом порту ежегодно проводились ярмарки в храмовый праздник. Я любила там бывать вместе с подругами. На ярмарке проводились лотереи, конкурсы, можно было купить себе лотерейный билет и что-нибудь выиграть. Можно было пробежать дистанцию и выиграть. Праздник всегда проходил 15 октября, то есть уже была осень, холодно, часто шел дождь. Я никогда не забуду, как мои подружки приходили на праздник уже в шапочках, рукавичках, теплых куртках, даже в сапожках. А я всегда в полукедах, в каком-то платьишке, часто без свитера, так как у меня его не было. Но мне хотелось быть на празднике. Помню, как я завидовала другим, что они могут купить лотерейный билет за 2 злотых, а я не могу. Мне всегда было не на что. Хотя я помню короткий период в моей юности, когда у меня было немножко денег. Тогда я отложила 2 злотых и три месяца ждала ярмарки, чтобы купить себе лотерейный билет. И вот я прихожу в костел св. Ядвиги, покупаю билет, ужасно счастлива, улыбаюсь. Началась жеребьевка, и тут я понимаю, что ничего не выиграла. Из глаз моих покатались слезы как горох. Какое же это было разочарование, ведь я так ждала этого праздника.

Шоколад из аптеки

Когда-то в аптеках продавали шоколад, но это был лечебный шоколад, который давали детям, когда у них был запор. Уже один кусочек помогал. Шоколад был действительно вкусный. Дети с удовольствием принимали это лекарство. Мой брат был страшный лакомка. Где мама купила этот шоколад, почему и откуда взялись у нее деньги — не знаю. Во всяком случае плитка такого шоколада лежала у нас в буфете. Буфет — это шкаф с оконцами наверху. В оконцах мама вешала занавески. Выглядело это красиво. Как-то раз она спрятала там шоколад из аптеки. А мой брат стоял и с интересом наблюдал, что это мама делает у буфета. Когда она вышла, он позвал меня:

— Эй, Генька, Генька! Там шоколад. Как его вытащить?! Ты стереги, не идет ли мама, а я его стяну.

Ну я и стерегла, а он этот шоколад действительно стянул, но, прежде чем я к нему подошла, он его уже успел съесть. Спустя несколько дней мама заглянула за чем-то в буфет и говорит нам:

— Ребятки, тут лежал шоколад, где он?

Я стою в ужасе, а мой брат говорит:

— Это я его съел.

— Когда? — спрашивает мама — А, уже знаю. Это когда тебя всю ночь слабило.

Даже если б потом в буфете лежал настоящий шоколад, он уже ни за что не полез бы за занавеску без спросу.

Тюфяк и слишком короткие брюки

Моя мать приехала в Гданьск вслед за отцом. Она жила у свекрови в кладовке. С отцом, двумя детьми и собакой — на площади полтора на три метра. Первой их постелью был тюфяк, а мы спали на полу. Мы жили в блочном доме, наша соседка жарила картофельные оладьи на рыбьем жире. Вонь невероятная. Тогда кругом нищета была ужасная. Одежду и ту носили только с чужого плеча. Но хуже всего стыдиться бедности. Бедный чувствует себя униженным, особенно в юности. Однако дети прекрасно справляются с бедностью. У моего приятеля не было одежды, и штаны ему всегда были слишком коротки. Так он и приятелей уговорил, чтобы все они такие же носили. Одному даже обрезал штаны, чтобы были покороче. А вдобавок еще надевал белые носки и черные ботинки. Друзья в знак солидарности с ним все одевались так же. Так они создали моду. Вот как пятнадцатилетние подростки справлялись с нищетой и унижением. Скрывали свою бедность.

Детские фантазии

Мы жили на четвертом этаже, а внизу был мясной магазин. Дети любят хвастаться. Я часто сидела с подружками во дворе, и каждая из нас чем-нибудь хвасталась. Одна мне рассказывала, что ее мама купила 200 граммов чудесной ветчины. А в то время мы ели ветчину лишь дважды в год — на Рождество да на Пасху. И вот я — восьмилетняя — ей отвечаю:

— Ха... у нас ветчины с колбасой дома столько, что по стенкам висит.

Потому что у мясника мясо висело на крюках. Я проходила мимо этого магазина ежедневно. Ночью того же дня магазин ограбили. Утром в нашу квартиру ворвалась милиция и устроила обыск, а я получила от матери такую трепку, что по сей день помню. С тех пор я больше никогда ничего не выдумывала.

Генрика Кшивонос была вагоновожатой в Гданьске. 15 августа 1980 г. она остановила свой трамвай, и это послужило началом забастовки городского общественного транспорта, в поддержку той забастовки, которая уже шла на судоверфи.

1: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «Современная Польша — это, прежде всего, Польша местная, самоуправляющаяся, действующая очень четко и автономно (...) Это органы местного самоуправления, избранные путем прямых выборов (...) Сегодня министерства определяют экономическое лицо страны в гораздо меньшей степени, чем самоуправления. Именно самоуправления ищут инвесторов и решают проблемы граждан, они распределяют также значительную часть европейских средств. Подобным образом дело обстоит во всей Европе, где ключевую роль начинают играть мегаполисы и агломерации вокруг них. Познань, Тригород, Краков, Люблин, Лодзь, Вроцлав, Щецин, Катовице и, конечно, Варшава — вот истинные движущие силы страны. Вслед за ними идут города поменьше. И не политические партии стали символами этих мегаполисов, а конкретные люди, часто без всякой партийной принадлежности. Каждый из нас отвечает непосредственно перед жителями, которые нас выбрали, а не перед партийными структурами», — Рафал Дуткевич, математик и философ, предприниматель и деятель местного самоуправления, с 2002 г. президент (мэр) Вроцлава. («Жечпосполита», 23 дек.)

- «Согласно опросу ЦИОМа, половина поляков надеется на положительные изменения в своем городе и гмине после недавних выборов в органы местного самоуправления. Лишь 5% опрошенных считают, что изменения будут в худшую сторону, а 38% придерживаются мнения, что, вне зависимости от результата выборов, в их регионе изменений не будет». («Польска», 29 дек.)

- «Мартин Замойский, кинооператор и режиссер-постановщик, неожиданно исчез из варшавской редакции «Интерпресса» и стал президентом Замостья. Это случилось 20 лет назад, через 45 лет после конфискации его родового поместья народной властью и через 400 лет после того, как гетман Ян Сариуш-Замойский герба Елита основал в своем частном городе ординацию [т.е. неделимое владение с собственным уставом, передаваемое по наследству старшему сыну. — Пер.] (...) Мартин Замойский — президент Замостья с 2002 г., избран уже на третий срок (...) «В другом городе я бы не хотел быть президентом», — говорит он». («Политика», 25 дек.)

- «На региональном уровне договоры о европейском финансировании заключаются намного быстрее, чем на государственном, а воеводские самоуправления быстрее расходуют деньги, выделенные Брюсселем (...) Прошлый год ознаменовался значительным ускорением расходования европейских средств. Мы должны были потратить 27 млрд. злотых, а в результате потратили почти на 9 млрд. больше. 6,6 млрд. злотых из этой суммы уже вернулись из Брюсселя в польский бюджет. Остальные 2 млрд. вернутся в ближайшие месяцы (...) Уже подписаны договоры более чем на 58% из 67,3 млрд. евро, выделенных Польше на 2007-2013 годы». («Жечпосполита», 5-6 янв.)

- «Первые результаты расходования европейских дотаций уже видны. Это, в частности, 15 тыс. новых рабочих мест, 2 тыс. новых детских садов в сельской местности, 2,5 тыс. км новых и модернизированных дорог». («Газета выборча», 5-6 янв.)
- «Политические партии в старом стиле перестали или перестают существовать. Конечно, кое-где желание участвовать в общественной жизни сохранится, но не обязательно в знакомых нам формах. Партии всё чаще будут объединениями людей, непосредственно и лично заинтересованных управлением. Для этого нужны не большие, тяжелые и занимающиеся десятками отраслей партийные организации, а эффективные избирательные машины, оживающие лишь время от времени в ритме избирательных компаний — президентских, парламентских и местных», — проф. Петр Винчорек, Варшавский университет. («Жечпосполита», 13 дек.)
- «В Польше демократическая система опирается на недемократические партии. В последние 20 лет у нас сформировался тип вождистских партий, лишенных внутренней демократии, руководимых лидером и его ближайшим окружением. Эта модель практикуется во всех партиях на польской политической сцене (...) Каковы средства сохранения партийной дисциплины, кроме авторитета? Основное средство — влияние (обычно, решающее!) на составление избирательных списков в Сейм, Сенат, Европарламент, органы местного самоуправления. Лидер имеет неоспоримое право решать, кто будет в списке, а кто нет, и особенно — кто займет в нем первые строчки (...) Партии с жесткой иерархией, лидеры-вожди, партийная дисциплина во время голосований в Сейме и местных советах — всё это приводит к тому, что роль партийных активистов, вне зависимости от их квалификации и задатков, сводится к роли автоматов для голосования. Из политики будут уходить компетентные люди, сильные личности. На их место придут клакеры без способностей и характера. Именно они станут будущими министрами, депутатами, сенаторами. Именно они будут управлять Польшей. От демократии останется одна видимость», — проф. Ян Видацкий, адвокат, бывший замминистра внутренних дел. («Газета выборча», 14 дек.)
- «Одномандатные избирательные округа преобразят Сенат (...) 5 января голосами прежде всего «Гражданской платформы» (ГП) Сейм принял поправку к избирательному кодексу, согласно которой страна будет разделена на 100 избирательных округов — ровно столько, сколько избирается сенаторов. Противники и сторонники нового положения о выборах подчеркивают, что это революционное изменение (...) До сих пор в большинстве округов, где избирали одного или двух сенаторов, своих представителей имели две крупнейшие партии (...) Одномандатные округа — это шанс не только для местных лидеров, но и для богатых предпринимателей (...) Партии уже не смогут относиться к Сенату как к месту для политических пенсионеров. Им придется выдвигать ярких кандидатов. А те вместе с независимыми кандидатами могут сделать так, что скучный до сих пор Сенат станет привлекательным местом». (Петр Гурытын, «Жечпосполита», 8-9 янв.)
- «ГП формирует правительство, руководит парламентом, избирает своих людей маршалами Сейма и Сената. В ее руках пост президента, она контролирует спецслужбы (...) И получает всё новые должности и учреждения — начиная с уполномоченного по гражданским правам и кончая Всепольским советом по телевидению и радиовещанию. После выборов в органы местного самоуправления она получила большинство почти во всех сеймиках. Вскоре после этого кандидат ГП стал председателем Конституционного суда. Вдобавок партия Туска может рассчитывать на благосклонность СМИ (...) В Мексике теоретически была многопартийная демократическая система. Каждые четыре года проходили выборы. Только вот несколько десятков лет подряд побеждала на них исключительно Институционально-революционная партия, контролировавшая все государственные институты». («Жечпосполита», 22 дек.)
- Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 5-12 января, ГП поддерживают 39% поляков, «Право и справедливость» (ПиС) — 20%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 9%, крестьянскую партию ПСЛ — 6%. («Газета выборча», 15-16 янв.)
- «Этой осенью в Польше должны пройти парламентские выборы, и у центристской «Гражданской платформы» есть все шансы без труда их выиграть (...) В экономике всё хорошо: по оценкам специалистов, рост ВВП в 2010 г. составил 3,5%, а в этом году достигнет 3,7%. Дыры в государственных финансах должны залатать доходы от приватизации, а также перевод в соцстрах большей части взносов в частные пенсионные фонды (...) Однако за этим красивым фасадом скрывается разваливающаяся конструкция (...) Дефицит государственных финансов, составляющий 7,9% ВВП, в четыре раза больше, чем в 2007 году (...) Государственный долг приближается к конституционному лимиту 55% ВВП (...) Слабая и разобщенная оппозиция всё еще не в состоянии перехватить инициативу (...) Во второй половине года Польша станет во главе Евросоюза. Это может быть шанс, чтобы представить страну как современного и надежного партнера (...) Избирательная компания во время нашего председательства в ЕС не будет этому способствовать». («Жечпосполита», 8-9 янв.)

• «“Самую большую опасность для развития экономики представляет состояние государственных финансов”, — сказал проф. Лешек Бальцерович (...) Дональда Туска, который уже не первый год создает образ Польши как островка благополучия в море кризиса, это заявление, должно быть, раздосадовало. При первом же упоминании об этом — а встреча проходила в закрытом кругу — он проворчал тоном, который знают только ближайшие сотрудники: “Это нож нам в спину, так что я с вами об этом разговаривать не буду”». (Михал Карновский, «Жечпосполита», 11-12 дек.)

• «Мне очень жаль, что в заявлении главы правительства появляются мотивы, которые (...) могут подрывать доверие к высокопоставленным государственным деятелям. Нельзя сказать, что в результате нововведений в пенсионной системе никто не пострадает, а все только выиграют (...) Самой большой проблемой в экономике остается дефицит государственных финансов. Поэтому я считаю, что нет таких мер, направленных на снижение этого дефицита в течение трех лет с 8 до 2% ВВП, которые были бы однозначно плохими (...) Есть три способа справиться с избыточным дефицитом: повышение налогов, снижение текущих расходов и возложение бремени на плечи будущих налогоплательщиков или пенсионеров, т.е. отодвигание проблемы в будущее. Если не считать сравнительно небольшого повышения НДС, то правительство пока выбрало третий способ. У него есть на это право, но было бы хорошо, если бы оно представило дело ясно и открыто. Что, во-первых, у нас большая проблема — больше, чем мы предполагали. Во-вторых, размер проблемы столь велик, что мы вынуждены действовать даже таким образом. В третьих, другие методы еще хуже (...) Противоречие между действиями правительства и комментариями к ним — следствие того, что премьер и правительство не желают открыто говорить о ситуации в государственных финансах», — проф. Станислав Гомулка, главный экономист «Business Center Club». («Жечпосполита», 5-6 янв.)

• «Говорят, что через четверть века в Польше будет на 10 млн. больше людей, достигших 65 лет (...) Проект изменений в пенсионной системе обусловлен неблагоприятной ситуацией в сфере государственных финансов (...) Задолженность можно снизить, сократив расходы реально (...) — так поступила Эстония — или на бумаге, пряча долг, как это делают страны Западной Европы. Наше правительство выбрало второе решение. Дефицит государственных финансов уменьшится благодаря такой операции на 0,8% ВВП — до 0,9% ВВП в год, что отодвинет гильотину чрезмерной задолженности (...) Открытые пенсионные фонды (ОПФ) получают лишь треть перечисляемых им сейчас денег: вместо 7,3% наших пенсионных взносов — лишь 2,3%. Остальное останется в Управлении социального страхования (УСС) (...) Разница между ОПФ и УСС огромна. Фонды инвестируют реальные деньги, а государственное управление только регистрирует их и увеличивает суммы, указанные в законах (...) Но это не реальные деньги, а лишь записанные обещания (...) При всех своих слабых сторонах (...) ОПФ все-таки распоряжаются нашими взносами эффективнее, чем государственное УСС». (Анна Мацкевич, «Тыгодник повсехный», 9 янв.)

• «2010 год стал рекордным по количеству акций, купленных открытыми пенсионными фондами (...) ОПФ приобрели акции на сумму 16,9 млрд. злотых (...) В 2009 г. они потратили на эту цель 12,2 млрд., а в 2008 г. — 9 млрд. злотых. С 2000 по 2010 г. ОПФ потратили на покупку акций 58,2 млрд. злотых. К концу декабря стоимость их портфеля превысила 80 млрд. злотых. В годовом исчислении она увеличилась на 26 млрд. злотых». («Жечпосполита», 7 янв.)

• «Если правительственные планы, касающиеся изменений в пенсионной системе, вступят в действие с апреля, то в этом году сумма взносов, полученных ОПФ, составит около 11-12 млрд. злотых вместо 28,8 млрд. В 2012 г. эта сумма составит всего 7,5 млрд. злотых». («Жечпосполита», 7-8 янв.)

• «Правительство привело Бальцеровича в ярость. За день до Нового года премьер-министр Дональд Туск объявил, что с апреля сократит взносы в ОПФ (...) 5% из них останутся в соцстрахе. Благодаря этому бюджет сэкономит в этом году 12 млрд. злотых, а в будущем — 17 млрд. «Нельзя относиться к полякам как к баранам», — сказал в среду проф. Бальцерович на встрече с журналистами. Он напомнил, что еще в конце лета премьер обещал, что революции в пенсионной системе не будет. В бюджете на этот год тоже нет ни слова о том, что правительство намерено запустить руку в карман будущих пенсионеров». («Газета wyborча», 7 янв.)

• «Правительство планирует отобрать у ОПФ две трети отчисляемых нами туда денег и потратить их на выплату текущих пенсий (...) То, что сделал премьер-министр Туск, — это замена реальных денег на счетах будущих пенсионеров виртуальными обещаниями УСС, учреждения, которое совсем недавно должно было искать спасения в кредитах, чтобы не потерять ликвидности (...) Если бы премьер хотел быть честным по отношению ко мне, он должен был бы сказать: «Мацей, если на пенсии ты не хочешь умирать с голоду, откладывая деньги в частном банке. Точно так же, как ты частным образом лечишь зубы, хотя и платишь за государственное здравоохранение». (Мацей Самчик, «Газета wyborча», 10 янв.)

- «Согласно опросу ЦИМО, деятельность правительства критически оценивают 54% поляков. Поддерживают кабинет Туска 37% опрошенных (...) В том, что Туск хорошо исполняет обязанности премьер-министра, уверены 48% респондентов. Противоположного мнения придерживается 41%». («Польша», 17-19 дек.)
- «Президент против правительства. Бронислав Коморовский обжаловал в Конституционном суде первый закон команды Дональда Туска, позволяющий сократить государственную администрацию на 10% и таким образом сэкономить миллиард злотых. Работодатели предупреждают, что в законе нет критериев увольнения сотрудников, которые могли бы требовать в судебном порядке возмещения убытков, тем самым вводя бюджет в очередные расходы». («Тыгодник повсехный», 16 янв.)
- «Самое старое постановление Конституционного суда ожидает введения в действие вот уже 13 лет. Значительная часть постановлений не исполняется. Ни правительство, ни парламент не исправляют в срок законов, оспоренных в Конституционном суде, оттягивают это, и даже снова принимают ранее оспоренные законы. Уклонение от решений суда облегчено тем, что польский Конституционный суд лишен рычагов контроля за исполнением своих постановлений». («Дзенник — Газета правна», 20 дек.)
- «Президенту Брониславу Коморовскому доверяют 67% поляков, а не доверяют только 13%. Второе место с 54% поддержки занимает премьер-министр Дональд Туск. Третий в рейтинге ЦИОМа — министр иностранных дел Радослав Сикорский, который пользуется доверием более 53% респондентов. 44% опрошенных доверяют вице-премьеру Вальдемару Павляку. О недоверии к нему заявляют 20%». («Польша», 23 дек.)
- Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 7-14 декабря, 55% поляков считают, что Бронислав Коморовский хорошо справляется с обязанностями президента. 18% придерживаются противоположного мнения. («Газета wyborcza», 18-19 дек.)
- «Ропот и выкрики: «Да здравствует Ярузельский, твой брат», — сопровождали выступление президента Бронислава Коморовского на церемонии в честь 40-летия трагических событий на Балтийском побережье в декабре 1970 года. Президенту пришлось дважды начинать свою речь перед памятником Жертвам декабря 1970 г. в Гдыне, так как собравшиеся участники событий сорокалетней давности прерывали его свистом и гулом. Так они протестовали против недавнего приглашения генерала Войцеха Ярузельского на заседание Совета национальной безопасности». («Жечпосполита», 18-19 дек.)
- «На предпремьерный показ фильма «Черный четверг» в Гдыне не пригласили рабочих судовой верфи, раненных 40 лет назад, когда они шли на работу (...) На сеанс не пустили, в частности, Яна Гуминского, Земовита Мажеца и Станислава Стенку. 17 декабря 1970 г. Мажец получил пулю в спину, едва выжил и до сих пор носит в себе частицы олова. Гуминский, раненый в колено, много дней провел в больнице в одной палате со Стенкой. Его нога уже никогда не будет здоровой (...) Иоанна Грайтер, пресс-секретарь городского совета Гдыни, объясняет, что была только тысяча мест, а желающих значительно больше». (А.Цимановская, С.Шадурский, «Польша», 21 дек.)
- «В пятницу министр иностранных дел подписал отставку Томаша Туровского, начальника политического отдела в посольстве Польши в Москве. Уход Туровского — следствие заявления Института национальной памяти (ИНП) об уличении его в люстрационной лжи (...) Он был т.н. разведчиком-нелегалом ПНР, направленным в качестве шпиона в орден иезуитов в Ватикане». («Жечпосполита», 8-9 янв.)
- «В 2009 г. в журнале Института национальной памяти «Аппарат репрессий» была опубликована статья Петра Гонтарчика о предполагаемом сотрудничестве Александра Квасневского с госбезопасностью, содержащая оригинальный исследовательский тезис: «Если нет доказательств, что он сотрудничал, значит, они были старательно удалены из архива». (Анджей Лещинский, «Газета wyborcza», 10 янв.)
- ««Была не одна, а двенадцать причин катастрофы президентского Ту», — сказал полковник Эдмунд Клих, представитель Польши при МАК (...) Клих рассказывает, что непосредственно после катастрофы на него оказывали давление, чтобы он старался свалить как можно большую долю вины на Россию. Кто давил? «Человек, ответственный за состояние военной авиации», — ответил полковник». («Жечпосполита», 11-12 дек.)
- «Клих объясняет: «Диспетчеры, как и пилоты, также были под давлением. По-моему, кто-то пытался повлиять на руководителя полетов и настаивал, чтобы он сажал самолет. К сожалению, мы не знаем, кем был тот таинственный генерал, с которым разговаривал руководитель полетов». И процитировал фрагмент высказывания руководителя полетов из смоленской башни: «Ну да, так сказали, блин: заводить пока». («Газета wyborcza», 13 янв.)

- «Что в этой катастрофе самое страшное? Что русские, не помню точно когда, спрашивали, хотим ли мы воспользоваться помощью их навигаторов, которые помогут нашим пилотам при посадке. Этот вопрос мы переслали в Варшаву. Нам ответили, что нет», — Ежи Бар, бывший посол Польши в Российской Федерации. («Газета выборча», 13 янв.)
- «Министр внутренних дел и администрации Ежи Миллер сказал лишь одно: «Давайте не будем полемизировать с обвинениями МАК в адрес польской стороны. Мы бы и сами согласились с этими обвинениями, это для нас очевидно». Министр добавил, что доклад польской комиссии будет более критичным к польской стороне, но и более полным». («Газета выборча», 13 янв.)
- «Польские летчики и эксперты считают, что в докладе МАК объективно представлены технические причины катастрофы Ту-154 10 апреля 2010 года (...) Однако у них много замечаний (...) Основные замечания касаются не критического подхода к работе диспетчеров аэродрома «Северный» (...) Российская сторона должна опубликовать разговоры диспетчеров, команды, поступавшие с башни, а также сообщить, с кем разговаривали работники аэропорта (...) В начале будущей недели польская сторона обнародует разговоры диспетчеров с Москвой». («Жечпосполита», 13 янв.)
- «Я смотрю на Польшу со стороны и должен сказать, что поляки могут гордиться своей страной. Они сдали необычайно трудный экзамен после ужасающего опыта смоленской катастрофы. Все это время польская политика была благоразумной и в то же время смелой. Многие страны смотрели на Польшу с восхищением. В Израиле тоже была заметна большая симпатия к Польше и полякам. Это радует и показывает, сколь многого достигла Польша за последние 20 лет», — проф. Шевах Вейс, бывший председатель Кнессета и посол в Польше. («Жечпосполита», 4 янв.)
- «В 1943 г. Элиаш Баран пытался освободить дядю президента Бронислава Коморовского из рук гестапо. Спустя 65 лет президент нашел в Израиле сына того человека (...) В Панеряе под Вильнюсом, где немцы и литовцы убили около 100 тысяч человек (...) стоит памятник, — рассказывает президент Коморовский. — (...) Среди высеченных на нем имен убитых солдат подполья есть Элиаш Баран, кличка Эдип, и Бронислав Коморовский, кличка Корсар. Зеэр посмотрел на монумент и сказал сквозь слезы: “Бронек, Польша помнила о моем отце...”». (Петр Зыхович, «Жечпосполита», 18-19 дек.)
- «Власти Израиля прямо заявляют, что ни с одним государством ЕС у них нет таких хороших отношений, как с Польшей (...) В январе 2010 г. во время визита в Польшу премьер-министр Биньямин Нетаньяху сказал, что «в Европе у Израиля нет союзника лучше». Нетаньяху подчеркнул, что среди поляков было больше всего людей, удостоившихся звания «Праведника народов мира» (...) Польша поддерживает с Израилем тесное военное сотрудничество. Для Израиля необычайно важным было участие Польши в миссиях в Ираке и Афганистане, создавшее возможность тесного сотрудничества двух разведок. Палестинские власти не видят причин для беспокойства. «У Польши дружественные отношения как с Израилем, так и с Палестиной. Она поддерживает мирный процесс и независимое палестинское государство и потому может сыграть положительную роль в наших переговорах с Израилем», — написал Халед Суфан, посол Палестины в Польше». (Войцех Лоренц, «Жечпосполита», 30 дек.)
- «Хулиганская выходка нацистов в центре Люблина. Два кирпича в окно. В пятницу вечером неизвестные забросали кирпичами квартиру Томаша Петрасевича, создателя известного в мире центра «Городские ворота — Театр НН». В квартиру бросили также петарду. На кирпичах были нарисованы свастики. Центр «Городские ворота — Театр НН» собирает свидетельства и документы о еврейских жителях Люблина (...) «Мой центр действует уже почти 20 лет. В прошлом случалось, что кто-то рисовал нам на дверях звезду Давида на виселице, мы получали письма с угрозами, как-то раз к нам в помещение бросили коробку с вонючей субстанцией, — рассказывает Петрасевич. — Но никогда, повторяю, никогда не случалось, чтобы кто-то напал непосредственно на меня (...) Я впервые почувствовал себя как еврей, которым выбивали окна. Это не только страх, но и ужасное бессилие. Однако я в своей жизни ничего не собираюсь менять». (...) Дариуш Либёнка, историк и главный редактор ежегодника «Заглада жидув» («Катастрофа евреев»), считает, что в Польше царит атмосфера попустительства к таким действиям (...) Мартин Корнак, председатель антифашистского общества «Никогда больше», обращает внимание, что за последний год количество инцидентов на расистской и антисемитской почве увеличилось». (Павел П. Решка, «Газета выборча», 20 дек.)
- «8 мая на футбольном матче в Жешуве (...) болельщики вывесили два огромных транспаранта. На одном была надпись: «Смерть горбоносым», — на втором — перечеркнутая карикатура еврея в ермолке. Болельщики «Ресории» шли на матч с транспарантом «Идет арийская орда» (...) После публикаций в прессе прокуратура начала следствие (...) И мы как раз узнали его результат — прекращение дела (...) Антисемитский инцидент в Жешуве обсуждался не только в Польше, но и в УЕФА, и в организации «Футбол против расизма в Европе».

Международная общественность была поражена и шокирована». (Мартин Кобялка, «Газета wyborcza», 24-26 дек.)

- «Судя по всему, «Золотой урожай» вызовет такую же бурю, как «Соседи» и «Страх» (...) Ян Томаш Гросс в очередной раз спорит с мифами, на которые опирается наше историческое сознание (...) Подзаголовок эссе гласит: «О том, что происходило на периферии Катастрофы евреев» (...) «Золотой урожай» — это прежде всего неудобный рассказ о пользе, которую поляки извлекали из Катастрофы во время войны и после ее окончания (...) Для Гросса разграбление еврейского имущества — это нечто большее, чем просто отдельные случаи: «Это была общественная практика, а не выходы уголовников (...)» Помимо разграбления, были и случаи уничтожения евреев или выдачи их немцам (...) Один из польских историков Катастрофы Дариуш Либёнка (...) говорит: “Я рад, что Гросс популярен (...) Интерес, который он вызывает, может пойти полякам лишь на пользу. Он показывает то, чего мы как народ не желаем замечать”». (Михал Ольшевский, «Тыгодник повсехный», 2 янв.)
- «Что касается доносчиков и убийц из повета, описанного мною в книге «Judenjagd. Охота на евреев. 1942-1945. Исследование одного повета», то я провел статистический анализ. Из него следует, что это в большинстве своем нормальные крестьяне-середняки, отцы семейств, люди в расцвете сил, не какие-то жаждущие наживы молокососы, не пьяные холостяки, а солидные хозяева, члены сельской полиции, которые невероятно эффективно разыскивали укрывища евреев. В сельской полиции поочередно служили все взрослые мужчины в деревне. В эту процедуру были вовлечены солтысы, сельские курьеры, полицейские, все, кто исполнял какие-то функции (...) Немцам удалось привлечь к участию в «окончательном решении» не маргиналов, а всё общество», — Ян Грабовский, профессор исторического факультета Оттавского университета. Опубликовал, в частности, книгу «Я этого еврея знаю. Шантаж евреев в Варшаве. 1939-1943». («Газета wyborcza», 8-9 янв.)
- «Два года и восемь месяцев тюрьмы — такой приговор услышал в краковском суде швед Андерш Хагстрем за подстрекательство к краже в музее Аушвиц. Двое других обвиняемых, Анджей С. (участник кражи исторической надписи «Arbeit macht frei») и Мартин А., посредник между шведом и польскими преступниками, приговорены соответственно к двум годам и четырем месяцам и к двум годам и шести месяцам лишения свободы. Все приговоренные должны выплатить в качестве компенсации по 10 тыс. злотых». («Польска», 31 дек. — 2 янв.)
- «В Музее Аушвиц-Биркенау ограничена экспозиция, посвященная участию в лагерном движении сопротивления Юзефа Циранкевича [премьер-министра во времена ПНР. — В.К.], потому что, как известно, он был коммунякой, а о коммунях хорошо говорить не принято. То, что во время своего пребывания в лагере Циранкевич коммунякой еще не был, что его конспиративная деятельность была связана с Польской социалистической партией, признававшей эмигрантское правительство в Лондоне, уже неважно. Коммуняку хвалить нельзя, даже если это идет вразрез с исторической правдой», — проф. Ян Видацкий. («Пшеглэнд», 19 дек.)
- Из открытого письма, направленного маршалу Сейма Общественным комитетом членов семей убитых вооруженным подпольем: «Наши близкие были убиты отрядом вооруженного подполья «Служба специальной акции — Национальное военное объединение» (PAS-NZW) под командованием капитана Ромуальда Райса по кличке Бурый (...) 82 человека, в т.ч. дети, женщины и старики, были заживо сожжены в запертых домах (...) В 1949 г. капитан Ромуальд Райс (...) был приговорен Белостокским районным военным судом к смертной казни (приговор приведен в исполнение) (...) В 1995 г. Варшавский окружной военный суд (...) постановил, что капитан Райс «боролся за независимость Польши», и отменил предыдущий приговор, а семье Райса была выплачена компенсация. Другим семьям членов отряда Бурого тоже были выплачены компенсации (...) Следствие Белостокского отдела ИНП по делу об убийстве 82 польских граждан православного вероисповедания (...) закончилось признанием капитана Ромуальда Райса по кличке Бурый виновным в геноциде. В 2005 г. Белостокский окружной суд (...) оставил в силе постановление прокурора ИНП (...) Мы надеялись, что формальное завершение следствия поможет нам, семьям жертв, добиться компенсаций, сравнимых с теми, которые получили семьи преступников. К сожалению, судебный путь для нас закрыт (...) Мы ожидаем и просим маршала Сейма и высшие власти Польского государства, чтобы к нам применялись элементарные принципы равенства и справедливости». («Пшеглэнд православный», дек.)
- «Польский МИД удвоит помощь белорусской оппозиции (...) В 2011 г. она составит 40 млн. злотых (столько же будет выделено на развитие Афганистана). Стоит еще раз подумать, как эти средства тратить, потому что до сих пор на деньги МИДа воспитали поколение профессиональных оппозиционеров, людей из неправительственных организаций, которые намерены всю жизнь бороться с режимом, утверждая, что революция, которая свергнет Лукашенко, вот-вот вспыхнет». (Збигнев Парафиянович, «Дзенник — Газета правна», 29 дек.)
- «Во вчерашнем разговоре с министром иностранных дел Белоруссии Сергеем Мартыновым (...) министр иностранных дел Радослав Сикорский категорически потребовал освободить всех задержанных деятелей

оппозиции». («Жечпосполита», 22 дек.)

• «С 1 января белорусы не будут платить за наши визы (до сих пор виза стоила 20 евро). Но судьи, сотрудники КГБ и чиновники, наиболее активно участвующие в преследовании оппозиции, не въедут в Польшу. Таков ответ Польши на фальсифицированные президентские выборы и жесточайшие за все время независимости Белоруссии репрессии против оппозиции. Вчера об этом сообщил МИД». («Жечпосполита», 30 дек.)

• «Согласно последнему опросу, проведенному на Украине Институтом общественных дел (...) более 80% украинцев считают отношения между нашими странами хорошими (по сравнению с 2000 г. этот показатель вырос почти на 10%) (...) Для более чем четверти украинцев Польша — «дружелюбная страна, напоминающая Украину, а поляки — братский и симпатизирующий Украине народ». Одна пятая украинцев считает нас страной, добившейся успеха (...) Почти половина украинцев уверена, что Польша помогает Украине наладить контакты с ЕС. Такая же доля опрошенных считает, что Польша не помогает, но и не мешает (...) Наши соседи одобряют поляков в большинстве общественных ролей. Они не имели бы ничего против получения поляком украинского гражданства, постоянного вида на жительство, совместной работы». («Газета wyborcza», 22 дек.)

• «У нас появился новый серьезный торговый партнер. По сравнению с 2009 г. экспорт в Россию вырос на 39%, импорт — на 49%. Это в два с лишним раза больше, чем аналогичные показатели торговли с Германией. И в два раза больше, чем средний показатель импорта и экспорта вообще». («Дзенник — Газета правна», 12 янв.)

• «Варшавский окружной суд приговорил вчера Тадеуша Я., вероятнее всего офицера ГРУ, к трем годам тюрьмы за шпионаж в пользу России. Тадеуш Я. уже несколько лет жил в Польше. У него был постоянный вид на жительство, а его женой была полячка». («Польска», 23 дек.)

• «Польские службы — европейский лидер в слежке за гражданами. В 2009 г. операторы телефонной связи зафиксировали 1,06 млн. запросов, касающихся биллингов и интернета, от служб, прокуратуры и судов». («Пшеглэнд православный», декабрь)

• «В Литве живут 234 тыс. поляков (6,7% населения). В некоторых местностях на юге страны они составляют до 80% жителей. В распоряжении польского меньшинства почти 112 школ, обеспечивающих полякам образование на родном языке начиная с начальной и кончая средней школой». («Газета wyborcza», 29 дек.)

• «На завтрашнее празднование литовского Дня свободы, отмечаемого в годовщину защиты телебашни от советских танков в 1991 г., едут вице-маршал Сейма Эва Кешковская и депутат от ГП Тадеуш Азевич, председатель польско-литовской парламентской группы». («Газета wyborcza», 12 янв.)

• «Ни президент, ни премьер-министр не едут 13 января в Вильнюс (...) Отношения между двумя странами напряжены из-за спора о том, как писать фамилии польского меньшинства в Литве (...) Терпения явно не хватило. На смену ему пришло самодовольство правительства, удовлетворенного собственной внешней политикой». (Яцек Павлицкий, «Газета wyborcza», 12 янв.)

• «Польша должна смотреть на Литву до боли честно. Не только указывая ей на прошлые и настоящие ошибки, но и признаваясь в собственных». (Юзефа Хенеллёва, «Тыгодник повшехный», 2 янв.)

• «В сентябре доминиканец о. Людвик Вишневский написал письмо представителю Ватикана в Польше (...) Вот основные затронутые им проблемы: «Соблазн разделения в польском Епископате». Поддерживаются «формально католические, а по сути языческие начинания и действия, которые будоражат и разобщают общество и Церковь. Например, часть епископов печатается в «Нашем дзеннике», где полно клеветы (...)». Половина клира «заражена ксенофобией, национализмом и стыдливо скрываемым антисемитизмом», а очень многие священники «не чувствуют границы между Евангелием и политикой (...)». Не решена проблема радио «Мария», где, помимо молитвы, люди «учатся фанатизму, неприязни и даже ненависти к инакомыслящим» (...) Доминиканец упрекает иерархов в «неумении общаться с меняющимся миром». Они оповещают о своих убеждениях «чаще всего с апломбом и большой самоуверенностью, но, по мнению профессионалов, часто бывают некомпетентны» (...) 74 летний о. Вишневский — знаменитый пастырь студентов во времена ПНР. Подписал первую декларацию Движения в защиту прав человека и гражданина (РОПЧиО). Гэдээрдовская «Штази» считала его одним из 60 самых опасных польских оппозиционеров». (Катажина Вишневская, «Газета wyborcza», 14 дек.)

• «Попытка разделить Церковь или внушить, что она разделена, — это ключ к ослаблению, а затем и вытеснению Церкви из публичной жизни», — архиепископ Юзеф Михалик, председатель Конференции Епископата Польши. («Наш дзенник, 17 дек.)

- «Хорошо, что отец Вишневский озабочен судьбой Церкви в Польше и сказал несколько очевидных истин», — епископ Тадеуш Перонек, бывший ректор Папской богословской академии в Кракове. («Газета выборча», 20 дек.)
- «В конце 1980-х — начале 1990-х Церковь пользовалась огромным доверием — почти 90%. Около 1993 г. произошло радикальное изменение — доверие так сильно упало, что преобладало недоверие (...) С того времени рейтинг Церкви нормализовался. Норма — это когда Церкви доверяют две трети поляков (...) Резкие изменения мы заметили после смоленской катастрофы. Еще в апреле доверие к Церкви было очень высоким — более 70%. В сентябре оно упало приблизительно до 50% (...) Церкви повредил конфликт вокруг креста перед Президентским дворцом (...) В это время появилась и проблема с Имущественной комиссией (...) Поляки отделяют учение Церкви от собственной этики повседневной жизни (...) Радио «Мария» о. Тадеуша Рыдзыка слушают 20-25%. Среди радиослушателей преобладают пожилые женщины и малообразованные жители маленьких городков и сел», — проф. Мирослава Грабовская, директор ЦИОМа. («Газета выборча», 15 дек.)
- «Приход отцов паллотинцев, именуемый польским, в Гикондо — одном из районов Кигали. Первая резня была у входа в храм 9 апреля 1994 года. Вторая — спустя три дня в часовне на территории миссии (...) Монах-паллотинец: «В церкви были выставлены Святые Дары, поэтому людей вывели на улицу» (...) «Мы, белые, убежали», — признаётся один из братьев. Другой отказывается от разговора: «Здесь нечем хвалиться» (...) Автор [книги о геноциде в Руанде — Войцех Тохман. Сегодня мы нарисуем смерть. Воловец: Чарне, 2010] задает нелицеприятные вопросы (...) Одиннадцать вопросов Тохман задал архиепископу Генрику Хосеру, паллотинцу, который провел в Руанде 21 год. Автор хотел, в частности, узнать, что иерарху известно о якобы скрываемых Ватиканом священниках-убийцах, и помогал ли он эвакуировать их из Руанды. «Его преосвященство отвечал 25 минут». Он не разрешил использовать беседу. Если подсчитать, получается, что каждому вопросу он посвятил две минуты». (Магдалена Гроховская, «Газета выборча», 8-9 янв.)
- «Поляки по-прежнему предпочитают искусственные елки. Вот уже несколько лет в польских домах на одну живую рождественскую елку приходится две искусственных». («Дзенник — Газета правна», 24-26 дек.)
- «Сколько живых существ должно умереть, чтобы наше празднование Рождества Младенца прошло по традиции? Сколько быков, свиней и ослов распрощалось с жизнью и было переработано на копчености и горячие блюда? Сколько маскирующегося под идиотский обычай насилия обрушилось по этому случаю хотя бы на несчастных карпов? Страшно, что слова о нравственном долге внимательности не только к человеческому элементу Творения тут же наталкиваются на протест (...) так как автоматически ассоциируются с т.н. левой ориентацией. Как будто хорошим христианином может быть только тот, кто питается мясом, охотится и всевозможными способами насилует нашу планету (...) Я не понимаю, почему в нашей якобы христианской стране бывают такие вещи, как печально известные лошадиные торги или недоумки, которые верят, что им поможет смалец из собак. Я не понимаю президента, увольняющего из канцелярии единственного государственного чиновника, который замечал, что происходит, и противостоял этому (...) Карина Шверцлер от лица государства делала всё, что могла, чтобы в Польше не повторились такие события, как в Кельце, где в приюте для животных собаки загрызали друг друга и умирали от голода». (Шимон Головня, «Ньюсуик-Польша», 2 янв.)
- «Генеральный прокурор напоминает прокурорам о законах, запрещающих негуманное обращение с животными (...) По случаю приближающихся праздников генпрокурор Анджей Серемет разослал апелляционным прокурорам письмо, касающееся животных, в т.ч. рыб (...) Это беспрецедентное событие». (Эва Седлецкая, «Газета выборча», 20 дек.)
- «Уже более 30 тыс. человек включилось в акцию «В Новый год не стреляю». Пользователи интернета заявили, что в этом году откажутся от фейерверков в честь встречи Нового года. «Не надо покупать петард. Животные боятся нашей забавы. Не забывайте также, что она может мешать и пожилым людям, пугать маленьких детей», — говорят организаторы акции из варшавского общества «Эмпатия». («Жечпосполита», 31 дек. — 2 янв.)
- «Эмпатия, т.е. сочувствие, способность поставить себя на место другого — слабая сторона молодого поколения. Это подтверждают психологические исследования. С начала 1980-х гг. способность новых поколений к сопереживанию систематически уменьшается. Особенно явственно эта тенденция прослеживается после 2000 года (...) Нынешнее молодое поколение почти наполовину менее эмпатично, чем поколения 80-х или 90-х». (Юланта Хылкевич, «Ньюсуик-Польша», 19 дек.)
- На попечении Анджея Кузёмского 60 ежей: «Раньше я был велокурьером и видел огромное количество раздавленных ежей (...) Я постоянно проезжал мимо всё новых, еще теплых трупов — от нескольких до полутора десятков в день! Я не мог этого выдержать и бросил работу (...) Первый и единственный центр реабилитации

ежей основал я, а не государство. Поначалу, когда их было всего несколько, я еще работал велокурьером, чинил компьютеры. Но потом ежей стало больше, и я уже не справлялся. Поэтому я создал центр и фонд «Игливяк». Увы, в этом году я не получил от государственных учреждений ни гроша. Тот факт, что я еще держусь, — заслуга частных лиц, которые платят, сколько могут, — иногда по 5, иногда по 50 злотых. В прошлом году положение тоже было катастрофическим, поэтому я поднял на ноги СМИ, и центр удалось спасти. Но мне всё равно очень тяжело. Часто у меня бывают долги — например в клинике, где я лечу ежей (...) Для работы центра необходимо 8 тыс. злотых в месяц (...) Неужели такая сумма превосходит возможности 40-миллионной страны? (...) Это уже четвертый год (...) Ежи нуждаются в опеке 24 часа в сутки (...) Это изматывает. Иногда от усталости у меня заплетаются ноги, я начинаю кричать, ругаться, потому что очередные четыре таблетки кофеина не действуют. Но другого выхода у меня нет — я им нужен». Дополнительную информацию см. на сайте www.jeze.com.pl («Газета выборча», 18 дек.)

• «Ежи Помяновскому — 90 лет. За все эти годы он принес польской культуре столько пользы, что его достижений хватит на целый полк, и еще останется (...) Теперь он уже много лет редактирует журнал «Новая Польша», где показывает России Польшу с лучшей стороны», — Адам Михник. («Газета выборча», 14 янв.)

2: МИЛОШ И БЕСЫ

Эту книгу открываешь, полагая, что она — плод побочных занятий замечательного поэта, в эмиграции вынужденного преподавать русскую литературу потому лишь, что любителей польской филологии там можно было пересчитать по пальцам. А закрываешь — с чувством зависти: завидуешь калифорнийским слушателям лекций; тексты и тезисы лекций составили большинство статей «России» Чеслава Милоша.

Преподаватель хотел — и вынужден был — восхищать слушателей. Он сам пишет, как «старался блеснуть»: лекции в Беркли были первой точкой опоры в Америке — после многократных отказов в визе, после глухого одиночества в Бри под Парижем, после дружной травли, устроенной ему в Лондоне и Варшаве, когда его защищала только «Культура» Ежи Гедройца.

Старания оказались успешными. «Мои лекции, — говорит Милош, — получали высокие оценки». Не всякому так повезло. В коротком романе Казимежа Брандыса «Помысел» польский visiting professor захватывает американских студентов простым способом: он сотворил около дюжины «польских писателей XVI-XX вв., сочинения которых выдумывал чаще всего по ночам. Цитаты он импровизировал по ходу лекций, предупреждая, что по-английски невозможно передать красоту оригинала»

Милошу к таким фокусам прибегать не приходилось. Русская литература была массовым предметом поклонения в стране, где, не забудем, СССР считался врагом *par excellence*. Студенты уже начитались и самого Достоевского, и не критических комментариев к «Бесам» или «Братьям Карамазовым». Новому преподавателю открывалось широкое поле для сенсационных открытий, предназначенных не только слушателям и касавшихся не только русского классика. Достоевский служит Милошу поводом — больше того, архимедовой точкой опоры, — чтобы подняться на умственные высоты, выше шаблонов и предрассудков, общепринятых взглядов на Россию. А заодно — и на Польшу.

Он обратился к высокой полке философии, от Сведенборга и Паскаля до Ницше, не для «блеска», а для того чтобы показать, что убеждения Достоевского порождены не случайностью и не стадным рефлексом. Сам Милош этих убеждений не разделяет, он только подает пример лояльности по отношению — пусть это будет ясно — к идеологу, по сути опасному, но достойному восхищения. «Несомненно, пророк, — говорит Милош. — Но и опасный учитель».

Милош изучает, что читал писатель и чему он учился, а также политический контекст его произведений, чтобы объяснить источники и векторы их сюжетов. Самое здесь главное: Милоша в конечном итоге интересует *функция* произведений Достоевского у его современников и у нас. Поэтому книга, изданная стараниями «Зешитов литерацких», — событие, выходящее за пределы историко-литературной делянки.

В то же время в книге поражает ясность стиля и способность к верным и остроумным суждениям («И к чему же мощь, если это всегда мощь центральной власти, а тем временем в запущенном провинциальном городке неизменно повторяется гоголевский “Ревизор”?»). И еще: убедительна умеренность при формулировании этих суждений. Замечательное интервью, которое взяла у Милоша Сильвия Фролов, называется «Неокончателный диагноз». Эту книгу написал несравненный поэт и проницательный мыслитель, хотя — вслед за Шестовым — отказывающийся чистому разуму в монополии на святую правоту.

Нет смысла тратить слова на сожаления и полемику с патриотическими клеветниками, которые пытались не допустить, чтобы Чеслав Милош упокоился в крипте на краковской Скалке. Хватит сознания, что это заурядные растратчики национальных сокровищ.

***

В «Россию» вошли не только статьи, совпадающие с лекциями. Уже в первом томе будущего трехтомного собрания отдельные статьи посвящены Шестову и Розанову, Владимиру Соловьеву и Белинскому, Пушкину и де Кюстину, а также Мариану Здеховскому и Станиславу Игнацию Виткевичу (Виткацию). Но высказывания Милоша, сосредоточенные вокруг сочинений Достоевского и их героев, представляются особенно красноречивыми и заставляющими польского читателя задуматься.

Феномен уже то, что писатель, у которого что ни шулер и позер — то полячок, пользуется в Польше наибольшим читательским успехом, в том числе среди писателей. Новую поклонницу Марека Хласко узнавали по тому, что она внезапно принималась цитировать Достоевского. Но не столько польский парадокс, сколько *вселенское* увлечение Достоевским в XX веке интересовало Милоша.

Первым новшеством, которое он предложил своим американским слушателям и читателям, был отказ рыться в биографии для объяснения взглядов Достоевского и сюжетных неожиданностей в его романах — а в то время в университетах был в моде психоанализ. Ну да, мимоходом Милош вспоминает о комплексе, который мог бы одолевать писателя, если бы у него на совести действительно было изнасилование, но в «России» мы находим другие — убедительные и новаторские — объяснения главного мотива и загадок его творчества.

***

Первая из этих загадок заключена в чаще всего раздающемся вопросе: как это может быть, что автор таких волнующих романов одновременно — и открыто — был сторонником таких узких взглядов? Ужасаешься, когда он провозглашает отвратительные (по мнению Клер Каванаг, автора вступительной статьи к книге Милоша) лозунги, среди которых защита царского самодержавия вообще на Западе непонятна, а обличение католицизма как источника рационализма и, следовательно, атеизма, обладает чертами доктринерской мании. Откровенная ксенофобия в своем стандартном антисемитском варианте дополняет всё остальное.

Эта двойственность как будто объясняет мнение Джозефа Конрада о Достоевском: «That grimacing and haunting creature, who is under a curse» («Это гримасничающее, навязчивое существо, над которым тяготеет проклятие»). Милош этого мнения не разделяет, как не понимает и набоковского пренебрежения стилем Достоевского. Экзегеты Достоевского стремились приуменьшить вопрос, затуманить или перетолковать, и обычно без успеха. Дальше всего эти попытки зашли в СССР: некоторые произведения (в особенности «Дневник писателя» и «Бесы») были доступны только подписчикам на собрания сочинений, да и то не всегда. Другие приемы сводились к теории «двух Достоевских» — до каторги и по возвращении из Омска. Милош показывает шаткость этого тезиса.

Но автор рассматриваемой книги идет дальше: он находит ответ на роковой вопрос. Милош показывает, что в этом безумии был метод и был в нем мощный мотив, который толкнул Достоевского к взглядам столь крайним, а в случае его отношения к полякам — столь примитивным.

Милош попросту утверждает, что у Достоевского была одна лишь великая любовь — роман с Россией — и что после первого путешествия на Запад его переполнял «страх за ее будущее», за ее судьбу, если в ней воцарятся безбожные идеи *научного мировоззрения*, которые привели капиталистический, алчущий прибыли Запад в упадок, а его плебс — на дно нищеты, это он видел в диккенсовском Лондоне.

Русскую интеллигенцию, «сведущих людей» Достоевский считал виновниками грядущей катастрофы, передовой стражей Апокалипсиса. Он уже увидел ее в России: как раз шел процесс Нечаева. Во время этого процесса он писал «Бесов», решив бить тревогу, чтобы уберечь от любых перемен деспотический строй России и его священные столпы.

В этой схеме есть своя логика. Неважно, что капитализм оказался способным к самоисправлению, а деспотический строй — к саморазрушению, причем двукратному. Сплав страсти, шовинизма и опасных обстоятельств достаточен, чтобы оправдать фобии писателя, поддержанные необычайно убедительным пером.

Милошу этого хватило и на то, чтобы выдвинуть один из главных тезисов своей книги: комплекс отсталых взглядов не был стыдливым балластом автора «Преступления и наказания» — он был горючим его страсти и его

произведений. Так наверняка было при жизни писателя. Чем, однако, объяснить позднейший культ Достоевского? Не апология же самодержавия и не дискредитация либералов в одной куче с подрывными элементами могла захватить молодых и старых.

***

Статью «Бесы» Милош начинает рассказом о том, как его остановил на кампусе студент и рассказал, что чтение «Бесов» переменяло его жизнь, «потому что это так, как если бы Достоевский описывал сегодняшнюю Америку». Когда они снова встретились, студент уже занимался распространением коммунистических листовок.

Каким образом, вопрошает Милош, роман, который был резким предостережением от революции, может «убедить кого-то в ее благодеяниях»? И дает ответ важный как для нас, так и для себя — жертвы «гегелевского укуса», вовремя понявшей, что мёд был ядом. Из «Бесов» студент узнал, что мол существуют законы, управляющие историей, что будущее предрешено и надо только ускорить бег истории, пусть даже кнутом. Если это не удалось Верховенскому и Шигалеву, то виновато славянское разгильдяйство — мы сделаем это лучше.

Можно считать, что такому результату чтения Достоевского способствовал поразительно суггестивный способ изображения его героев. Своей решимостью и способностью договорить каждую свою мысль до вытекающей из нее крайности они вызывают не страх, а восхищение. Достоевский обеспечил им больше славы, чем Станислав Бжозовский своей защитой благородства и самоотверженности народовольцев — Перовской, Кибальчича, Нечаева, героев «Пламени».

***

Да, но «Бесов» читали не только студенты, филологи или искатели истоков зла в плане Божиим. Достоевский был под рукой у Ленина. Был у Луначарского («Бесы»? Это о нас», — сказал он, уже будучи наркомом просвещения). Знал эти книги Сталин — они стоят в его кунцевской библиотеке. Знал их Пол Пот, выпускник Сорбонны. Их читали десятки членов «Красных бригад» и группы Баадера—Майнхоф. И никого, насколько мы знаем, эти книги не побудили к перемене их планов. А в то же самое время упрочивалась слава Достоевского как пророка. И действительно — подражатели Верховенского множились и везде, где приходили к власти, принимались осуществлять замыслы Шигалева — провозглашать свободу, чтобы ввести принуждение. Это не свидетельствует в пользу пресловутой исторической необходимости — лишь доказывает, что не только книги, но и идеологии имеют свою судьбу. Судьба эта, однако, коварна.

Вышеназванные любители погонять кнутом паровоз истории боролись против *правомочности власти*. Власть с незапамятных времен принадлежала обладателям т.н. материальных средств и оружия. Кого такое положение дел не устраивало, в наших краях зачислялся — условно говоря — в левые. У сторонников левых были некоторые общие черты: они боролись против эксплуатации, судебного произвола, цензуры, а прежде всего — против деспотии исполнительной власти. Только в XX веке там и сям — прежде всего в России — левые взяли в свои руки (не будем вдаваться в детали) оружие и средства. Быстро оказалось, что почти везде они это использовали для восстановления деспотии, на этот раз своей собственной. Милош пишет:

«Там, в России, группа Нечаева (...) отвергала правомочность монаршей власти и всей системы, построенной на ее сакральности. Здесь, на Западе, пришла очередь власти, создаваемой в результате выборов».

Но вот в Восточной и Центральной Европе, на территории «большой зоны», появилась и сохранилась вплоть до распада СССР и его сферы влияния немалая группа людей, отрицавших правомочность власти, зависимой от соседа-гегемона и узурпировавшей идеи, традиционно связанные с левыми, но по сути — краденые. В Польше тогда удалось достичь беспрецедентного явления — отрицающего насилие союза рабочего авангарда с интеллигенцией. Результатом было освобождение от чужих войск и директив, выборность властей, свобода мысли, слова и предпринимательства.

Свергнуть эту систему отнюдь не мыслят наши левые, ограничиваясь чтением незаконнорожденных наследников марксизма. Зато мы стали свидетелями гротескного и одновременно опасного феномена, который Достоевскому и не снился. Среди нас выросла корпорация вырожденцев демократии, не признающих правомочности легально избранной демократической власти, готовых действовать по примеру героев его «Бесов» — но исповедующих, грубо говоря, стыдливую часть взглядов их автора: авторитаризм, отвращение к «образованцам», презрение к светским традициям, культ невежества и ненависть к таким умам и талантам, как Чеслав Милош.

Кто читал его «Россию» — знает, что **о** нам надо защищать.

3: ДОСТОЕВСКИЙ

Христианский моралист Достоевский сделался источником понятия «достоевщина». Такой термин мы сегодня применяем к тем, кто стоит на грани безумия и не умеет обуздать свои сумасбродные или диковинные страсти. Достоевский занимался своим психологическим анализом словно с помощью микроскопа — человеческие изъяны, чтобы лучше их разглядеть, лучше узнать и объяснить, он преувеличивал до фантастических размеров. Доводилось ли вам видеть глаз мухи под микроскопом? Он похож на кратер вулкана. Романы Достоевского — это сплошной крик и скандал. Таково следствие метода наблюдения Достоевского: даже тихие, обычно утаиваемые человеком чувства он громогласно вытаскивает наружу. На этом же основана и специфика фантастичности метода Достоевского. Когда в кино при спортивных съемках используют замедление темпа и мы смотрим на коня, который взвизгивает над препятствием в неспешном ритме, напоминающем движения медлительной рыбы, то и здесь мы имеем дело с фантастическим, неестественным методом, примененным с целью облегчить нам наблюдение, прояснить тайны лошадиного прыжка; но этот метод дает диковинную картину, не существующую в реальности. Точно то же мы встречаем у Достоевского. Однако, помимо всего прочего, изучать биографию Достоевского потому так захватывающе, что здесь мы всё время встречаем людей, принадлежащих климату и атмосфере «достоевщины». Мы всё время встречаем людей на грани сумасшедшего дома, фантазеров, чудаков, скандалистов. Таков уж в романах Достоевского гений времени и гений места — той самой России времен крепостного права и отмены крепостного права, времен самодержца-автократа Николая I и императора-революционера Александра II.

Достоевский был особым портретистом своих современников. Писатель, изображающий кого-то конкретного в своем романе, выводит его, естественно, в виде одного из своих героев или героинь. Когда Достоевский кого-то изображал, то создавал не одно, а несколько лиц: только бросив в действие драмы сразу несколько личностей, разных и разнообразных, зачастую борющихся друг с другом или сцепленных сложными связями, писатель рисует, представляет нам, воображает себе какую-то одну незаурядную личность. Мы знаем, к примеру, что в «Анне Карениной» муж героини романа, Алексей Александрович Каренин, внешне списан с Константина Петровича Победоносцева, выдающегося государственного деятеля последних лет XIX века. Нас бесспорно убеждает этот портрет тощего старика с оттопыренными ушами, с орденом на накрахмаленной рубашке и пальцами, которые отчетливо трещат в суставах, когда Каренин-Победоносцев закладывает пальцы за пальцы. Но вот если бы Достоевский решил в одном из своих романов представить портрет Победоносцева, то он высказал бы свой взгляд на него, создав не только образ царского сановника, коим был бы Победоносцев, но еще и монаха-исповедника, которым Победоносцев тоже бы оказался, а кроме того, еще хитрой и бесстрастной бабы-свахи или бабы-акушерки, и это тоже был бы Победоносцев, и, наконец, мальчика-школьника, наивного энтузиаста, — и это опять же был бы Победоносцев. Поясним, что действующие лица в романах Достоевского — это не люди-символы, а люди живые и цельные, не люди-осколки, но художественно завершенные человеческие индивидуальности. Достоевский, этот Гойя романа, этот русский Гойя, писал портреты необычайно сложным способом. Его герои не делятся на людей хороших и плохих, добрых и злых, на «типы» скряг, трусов, проституток или рыцарей, филантропов и богобоязненных матрон. Совершенно наоборот! Достоевский убежден, что человеческая натура, что суть человеческой природы — это безграничные нравственные противоречия, которые борются друг с другом внутри человека, которые в душе человека ведут неустанную, яростную битву. Доктор Джекил и мистер Хайд сознательно или полусознательно вдохновлены произведениями Достоевского. Творчество — это не только динамичная и драматичная борьба различных факторов и моральных лозунгов снаружи, в виде борьбы разных моральных тезисов и антитезисов, за которые сражается автор произведения в форме полемики с убеждениями своих читателей, — это одновременно ожесточенная, болезненная борьба различных нравственных ценностей внутри, в душе каждого из героев романа. Если Достоевский создает тип скупца, страшного, безграничного, апокалиптического скупца, то этот скупец обязательно показан нам в момент беснующихся в нем расточительности и мотовства. Если Достоевский создаст тип неустрашимого рыцаря, то лишь для того, чтобы мы увидели, что неустрашимый рыцарь может вести себя как смрадный трус. Достоевский не знает, не понимает, наконец, ненавидит само понятие людей-монолитов, людей, высеченных из одной глыбы. Для Достоевского человеческая натура — это склад нравственных противоречий, это фигура с собачьей мордой, крыльями ангела и хвостом кита. Добродетели и подлости всегда борются внутри человека и за господство над этим человеком. Двойственность, тройственность, многоликость человеческого характера — вот господствующая черта достоевщины. Один из персонажей Достоевского, который изо дня в день способен быть благороднейшим героем и совершать омерзительные, низкие поступки, в приступе страсти и безумия выхватывает образ Матери Божией и ударяет им об угол печки. Икона трескается и раскалывается ровно на два куска. Вот вам и весь Достоевский!

Жизнь Достоевского показывает, что ему самому не чужда была такая внутренняя игра и внутренняя борьба добрых, прекрасных наклонностей с дурными и гнусными. Ангел и сатана сражались также в нем и за него. Сегодня жизнь его уже насквозь просвечена с помощью отовсюду извлеченных и опубликованных документов. Эту жизнь можно поделить на две неравные части; в первой — нищета, непрестанные страдания и мытарства и, что для нас важнее всего, невозможность творить. Над первой частью его жизни тягостел жуткий скрежет, какой-то чудовищный грохот железных листов, оглушавший этого эпилептика. Лишь во второй ее части вместо этого шума начинают раздаваться звуки фортепьяно, на первых порах тихие, а потом всё более уверенные и всё более гармоничные. Во второй части жизни появляется Аня. Все шедевры Достоевского возникли лишь с момента его знакомства с Аней. Достоевскому в тот момент 45 лет, его считают второ- или третьеразрядным писателем, он болен эпилепсией, он бывший каторжник и кандидат на повторное попадание в тюрьму — на этот раз за долги. Ане 19 лет. Всё или почти всё из того, что Достоевский написал до встречи с Аней, несло в себе зерно гениальных озарений, но вследствие болезней, нищеты, несчастий и беспрестанного мучительства со стороны тех, с кем ему приходилось иметь дело, и женщин, с которыми он жил, эти зерна гения не могли прорасти. Если бы не Аня, фамилия Достоевского вообще не фигурировала бы в мировых энциклопедиях. Он был бы Наполеоном, умершим до Тулона. В том состоянии нервной депрессии, в каком Достоевский и провел всю жизнь вплоть до благословенного момента знакомства с Аней, он был не в состоянии творить шедевры. Лишь Аня в течение своего 14 летнего супружества с Достоевским создала гению Достоевского, который до этого калечили и которым помыкали, возможности плодоносить. Именно Ане мы обязаны Достоевским, без Ани Достоевского бы не существовало. Эта девятнадцатилетняя девушка не была ни красивой, ни богатой, ни особенно веселой, забавной или милой. Она была весьма заурядна и, как нам кажется, скорее нехороша собой. У нее слишком широкий рот и слишком крупные ноздри. Но Аня поклонялась таланту Достоевского, почитала счастьем физически и морально быть при нем, пока он в муках создавал свои образы, и была одушевлена великой любовью, пониманием и сочувствием к мужу. Аня вытащила Достоевского из нищеты, из долгов, взяла его денежные дела в свои руки, избавила его не только от эксплуатации ростовщиков, но и от назойливого попрошайничества родственников и профессиональных нищих. Она стала как бы Санчо Пансой в женском образе, семена на ослике мещанской практичности за скакуном этого Дон Кихота. О!.. не только! Чтобы успокоить нервы Достоевского, затянуть раны, нанесенные ему жизнью и проклятьем болезней, Аня принесла такие жертвы, на какие — я не слышал, не видел, не предполагал, чтобы была способна какая-нибудь другая жена ради какого-нибудь другого мужа.

(...)

Достоевский вступил в консервативный лагерь, но консерватором Достоевский не был. Можно даже сказать, что он оторвал русских царей от консервативного мировоззрения. Последним консерватором на троне был Николай I; Александр II был либералом, последние два царя уже разделяли идеологию Достоевского, а она консервативной не была.

Именно «Дневник писателя», печатавшийся в 1873 и 1874 гг. на страницах «Гражданина», а в 1876 и 1877 гг. выходивший как независимый орган, дает нам основания уточнить взгляды Достоевского в философской, политической и общественной сферах. Консерватизм — это любовь к сокровищам, обретенным многовековой культурой. Консерватизм — это извлечение уроков из прошлого и поддержание того, что показало свою доброкачественность, это опора на достигнутый опыт. Взгляды, провозглашавшиеся Достоевским, всегда обладали революционной динамикой.

Х р и с т и а н с т в о . Достоевский несомненно был учеником Евангелия и в силу этого противостоял социализму. Он часто возвращается к рассказу о том, как диавол искушал Христа, предлагая Ему лежащие в пустыне камни превратить в хлеба и накормить ими народ, а Христос ему ответил: «Не хлебом одним будет жить человек». В этих словах Достоевский усматривал осуждение всей материалистической доктрины Маркса и доктрины классовой борьбы за материальные блага. Но, с другой стороны, Достоевский, постоянно борясь против католической Церкви, указывал, что католицизм смирился с разделением мира на сытых и голодных, на эксплуатирующих и обиженных. По Достоевскому, христианин говорит: я делюсь с ближним моим всем, чем могу поделиться, — а социалист говорит: отдай мне, ты должен отдать, я отберу у тебя то, чего ты имеешь больше меня. Христианство исходит из любви к ближнему, которая должна быть добровольным чувством, тогда как социализм — из классовой ненависти. Однако тот факт, что в «Преступлении и наказании» Достоевский сказал Раскольникову с топором в руке: не убивай, — отнюдь не означает, будто он считал хорошими действия процентщицы, которая, сквалыжничая, копила деньги, собираемые ею на людской нищете и горе.

«З а п а д н и к и» и **Е в р о п а .** Одно из самых глубоких наблюдений Достоевского — это его замечание, касающееся русских сторонников западной школы, «западников». Они, по словам Достоевского, утверждают, будто России предпочитают Европу, так отчего же тогда, спрашивает он, в Европе они объединяются с

европейскими революционными движениями, всасываются в них. Ведь подобные революционные движения — это именно отрицание, неприятие, борьба с Европой, с ее историей, традициями, цивилизацией. Наши «западники» и революционеры, продолжает он, на самом деле не любят Европу по-настоящему, коль скоро тут же объединяются с лагерем, отмечающим Европу. И, как раз отмечая Европу, они разоблачают свою русскую сущность — более русскую, чем у славянофилов.

Всё это рассуждение — совершенно верное. Консерватизм в каждой стране иной, но в России нет подходящей ауры для возникновения консерватизма. Кто знает и сравнивает Россию и соседствующую с ней Польшу или же Россию и отдаленную от нее Францию либо Испанию, тот согласится, что у польских, французских, испанских революционеров окажется куда больше интереса к истории, прошлому, к традициям, к вещам постоянным и неизменным, чем у русских царского времени на высоких государственных постах. Николай I был консерватором, защитником Священного союза, но его консерватизм носил не русский характер, а скорее немецкий, общеевропейский, легитимистский. Славянофилы были наполовину революционерами, потому что переняли и приспособили много несбыточных революционных мечтаний, а наполовину — романтиками, желающими воскресить русское прошлое. Что ж тут сказать, когда и то и другое заимствовано из Европы, когда видения былой России создавались на основании иллюзий, порожденных на фоне любви к вещам абсолютно не русским, но зато весьма европейским и только переодетым, перекрашенным на русский манер.

Замечание Достоевского о том, что русские «западники» именно потому и остаются русскими, что объединяются с лагерем европейской революции, было глубоко верным.

Д о с т о е в с к и й и Е в р о п а. Достоевский ненавидел Европу, а особенно ненавидел католицизм. Часто вспоминает он и о Франции как о первой дочери католической Церкви. Однако же я склонен предполагать, что когда Достоевский пишет о Франции с неприязнью, то думает о Польше. Польша с ее латинской и католической культурой стояла слишком близко к России, а в тот период еще и принадлежала России. По разным причинам Достоевский считал своей миссией сдерживать всякое проникновение польской культуры в Россию. Славянский мир способен собраться вокруг России только после предания Польши анафеме, считал он. И создал тип «полячишки», «полячка», постоянно ссылающегося на свою честь, а в сущности обманщика и негодяя, причем такой тип возникает раз за разом почти во всех его романах.

Характерная вещь. Достоевский берет в свои руки редактирование «Гражданина», органа русского консерватора, берет это издание под свое начало по отдаленному благословению самого цесаревича, кузена всех царствующих династий Европы. Тогда актуальны были борьба республики с монархистами в Испании и вопрос о реставрации монархии во Франции — в лице графа де Шамбора. В обоих случаях Достоевский высказывается в пользу республики против монархии. А своих императоров Достоевский любит искренне и от всей души. Пламенный монархист для России и человек, симпатизирующий республике в Европе. Как много это дает пищи для размышлений!

П у б л и к а п е р в о г о и т р е т ь е г о к л а с с о в. В «Дневнике писателя» мы обнаруживаем эту разницу весьма определенно, хотя бы в описаниях путешествий Достоевского по России железными дорогами или на пароходах: Достоевский ненавидит и презирает тот слой, который в России ездит первым классом, а обожает и любит лишь пассажиров третьего класса. Первый класс он представляет нам как некое стадо бесстыжих обезьян, берущих пример с Европы и подражающих ей. Достоевский всегда выглядит убедительным и захватывающим, когда порет и сечет, раздаст оплеухи и унижает, однако же когда он заявляет нам, что русский народ обладает всеми возможными добродетелями, то вызывает у нас сильное желание услышать какие-нибудь доказательства или доводы, помимо жаркого провозглашения этой веры.

Д о с т о е в с к и й — н а ц и о н а л и с т . Достоевский однажды высказал убеждение, что Бог есть подлинный Бог лишь в том случае, когда это Бог национальный, как Бог древнего Израиля. Это был бы принцип, противоположный христианскому мировоззрению, принцип, который делал бы из Достоевского предтечу гитлеризма. Посему он не защищал эту позицию. Однако он был русским мессианистом. В письме к цесаревичу Александру, пересылая ему экземпляр «Бесов», Достоевский пишет:

«Взгляд мой состоит в том, что эти явления [нечаевские преступления] не случайность, не единичны... Эти явления — прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо, раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития».

Таким образом, это типичный мессианиззм. Россия оздоровит мир, если только останется особенным, отдельным и своеобразным телом. Ироническая гримаса истории привела к тому, что тот новый свет, который Россия принесла миру, исходит не от духовных потомков Достоевского и в равной мере не от потомков его почтенного адресата, но как раз от духовных наследников осуждаемого им Нечаева.

И, возможно, Достоевский был прав, когда в 1876 г. писал в своем «Дневнике писателя»:

«...коренной и древнейший русский князь Гагарин, став европейцем, нашел необходимым не только перейти в католичество, но уже прямо перескочить в иезуиты. Кто же, скажите теперь, из них [Белинского и Гагарина] больше друг России? Кто из них остался более русским? И не подтверждает ли этот второй пример мой первоначальный парадокс, состоящий в том, что русские европейские социалисты и коммунары — прежде всего не европейцы и кончат-таки тем, что станут опять коренными и славными русскими, когда рассеется недоумение и когда они выучатся России, и — второе, что русскому ни за что нельзя обратиться в европейца серьезного, оставаясь хоть сколько-нибудь русским, а коли так, то и Россия, стало быть, есть нечто совсем самостоятельное и особенное, на Европу совсем непохожее и само по себе серьезное».

Странно читать эти пророчества через семьдесят лет после их произнесения.

С и н т е з . Политические взгляды Достоевского можно синтезировать следующим обобщенным образом. Бог — русский, православный; русское мессианское слово предназначено всему миру; русский народ — инструмент Провидения; русский царь — одухотворенный и вдохновенный выразитель идеи русского народа. Кроме того, тут еще презрение к интеллигенции и богатым — как к европейцам, скептикам и людям, оторванным от русской почвы.

Достоевский не был консерватором. Правда, революционные движения во всех странах похожи между собой, тогда как консерватизм каждой страны носит везде иной характер, но взгляды Достоевского не содержат в себе даже крупницы сходства с каким-нибудь консерватизмом. Напротив, это взгляды *par excellence* динамичные, даже по-своему революционные.

Еще одним приверженцем таких идей был Константин Победоносцев. Он, как и Достоевский, — внук попа; Лев Толстой описал его в качестве мужа Анны Карениной, религиозного маньяка и достопочтенного рога носца. Однако в правление Александра III и Николая II он был одним из высоких сановников с наиболее выделяющейся индивидуальностью, и его фигура отбрасывала тень на те времена. Революция, либералы ненавидели Победоносцева. Мерилом индивидуальности человека всегда будет ненависть его врагов. Если она мощна — такой человек многого стоит. «*Molti nemici, molto onore*» [«Много недругов — много чести»], — сказал «шакал» Муссолини. Русская революция знала, что осмеянный женою рогач Победоносцев — не бюрократический чинуша, не оппортунист-приспособленец и не карьерист на министерском уровне, а чувствовала в нем ожесточенного, упорного и умного идейного врага. Из двух новых знакомых Достоевского князь Мещерский был паяцем и негодяем, Победоносцев же — человеком глубоких знаний.

Достоевский и Победоносцев стремились к своего рода халифату русского народа, к царско-императорской теократии, осуществляемой во имя религиозных верований русского народа. Оба они питали горячее убеждение, что русский народ глубоко религиозен. Идеализация какого-либо сообщества в степени, противоположной его умственному развитию, случалась и случается довольно-таки часто.

Александр III разделял их взгляды. Он тоже был человеком верующим, возможно, даже сильнее, чем Достоевский, который только «хотел верить», и проявлял готовность взять на себя обязанности русского цезаря-папы... Но одновременно у этого великана было сильное чувство здравого смысла и отсутствовала нервозность, а это приводило к тому, что его отношение к изложенным выше идеалам было приблизительно таким же, как отношение богобоязненного купца к провозвестию, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Небесное. Александр III был готов действовать как теократ, но без малейших нарушений в полицейском аппарате своего огромного государства. Вдобавок он отменил у себя в армии элегантные мундиры и заменил их мешковатыми униформами, обладающими кое-каким сходством с русской народной одеждой, а сам носил большие сапоги с большими заплатами на большом пальце, ел простые крестьянские кушанья, запретил своим дипломатам пользоваться французским языком и даже однажды в копенгагенском парке облил шведского короля водой из садового насоса. А сверх того сказал однажды: «Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать». Видения Достоевского в таком исполнении теряли свой ангельский характер. Это, впрочем, не означает, чтоб я в сравнении с мудрецом Достоевским считал Александра III дураком. О, нет!

Достоевскому не везло с потомством. Из четверых его детей самая старшая дочурка умерла, как мы знаем, вскоре после рождения, а у младшего сынишки, Алексея, в двухлетнем возрасте вдруг случился эпилептический припадок — страшный, продолжавшийся с 9 утра до самого полудня, после чего малыш оцепенел и умер. Достоевский чувствовал себя виновником страданий этого безгрешного существа. Дочь Достоевского, Любовь, написала идиотские мемуары, где на каждой странице доказывает, что Достоевский не был русским, а его сын Федор стал кем-то вроде аристократического сноба, занимающегося исключительно лошадьми и скачками. Вырождение быстро пошло по следам жизни этого писателя.

Но главное в том, что вырожденцем его идеи был последний русский император Николай II. Он был чистых кровей идейным апологетом достоевщины. Но религиозная мистика и любовь к простому русскому народу, воспламененная в нем Достоевским, вылилась в чудовищные формы — в обожание Распутина и преклонение перед ним.

4: СТАНИСЛАВ ЦАТ-МАЦКЕВИЧ — АВТОР «ДОСТОЕВСКОГО» И ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

В 1957 г. в Варшаве была издана книга Станислава Цат-Мацкевича «Достоевский». Это одна из самых важных польских работ, посвященных великому русскому писателю. Но особенность этой книги или, лучше сказать, этого литературного очерка состоит в том, что она рассказывает прежде всего о человеке — полном внутренних разногласий, трудном и порочном, больном и мелком, но в то же время (а может быть, прежде всего) гениальном и временами как бы святом. Русские читатели наверняка знакомы уже со многими — на первый взгляд — похожими книгами. Напомним о «Личности Достоевского» Лосского, «Мировоззрении Достоевского» Бердяева, «Философии трагедии» Шестова и многих других. В чем же на этом достойном фоне заключается особенность произведения Мацкевича? Почему мы считаем, что его стоит представить нашим читателям? Надеюсь, что достаточным ответом на этот вопрос (кроме выбранных нами отрывков из книги Мацкевича) будет короткий рассказ о жизни ее автора.

Станислав Мацкевич родился в 1896 г. в Петербурге, на Невском проспекте, в семье потомственных дворян Виленской губернии.

В этом городе он начал свое образование, чтобы впоследствии, еще в ранней молодости, многократно переезжать из Вильно в Краков, оттуда на Гродненщину и в конечном итоге вернуться в Вильно. Во время всех этих разъездов, вызванных прежде всего трудностями в обучении и поисках своего места, Мацкевич посетил город своего детства всего только раз, зимой 1914-1915 гг. Один польский биограф Мацкевича так описал посещение писателем Петрограда: «Кажется, он меньше интересовался домом, в котором пришел на свет. Он вспоминает это посещение сухо. Но все-таки Петербург, колокола церквей и звонки у саней, дворцовые и чердачные окна, цвета, запахи, драмы, спесь, смирение и бунт этого города постоянно присутствуют в творчестве Мацкевича; он говорил, что чаще писал о Пушкине, чем о Мицкевиче. Петербург присутствует так же, как позже присвоенное место рождения, единственное место на земле — Вильно. Он появляется постоянно и в политической публицистике, и в книгах. Ведь в “Достоевском” столько же о человеке, как о и городе».

Принято считать, что в биографии Мацкевича особое место занимает польско-советская война 1919-1920 годов. Как пристало настоящему романтику (а на Мацкевича часто смотрели именно таким образом), война за независимость Польши должна была иметь в формировании его личности огромное значение. Однако стоит заметить, что Мацкевич был прежде всего писателем и публицистом, хотя политика и занимала в его жизни очень важное место. Но в ней ему приходилось очень часто разочаровываться. Несмотря на то что во время вышеуказанной войны он вступил в уланский полк, герой нашего рассказа панически боялся лошадей и по крайней мере половину времени, отслуженного в полку, он провел в различных отпусках: в университете и на собственной свадьбе.

Писательский талант Мацкевича проявился уже во время его дебюта: в 1916 г. будущий писатель издал свой первый очерк, посвященный Генрику Сенкевичу. И хотя в смысловом, исследовательском плане этому тексту оставалось еще многое пожелать, особое уважение (также в университетских кругах) возбудила неимоверная начитанность молодого писателя. Кстати, стоит упомянуть о том, что Мацкевич читал постоянно: без особого преувеличения можно сказать, что в разгаре своей молодости он читал всегда и везде. А особенно советовал своим окружающим читать «ненужные книги». По его мнению, они-то и приносили много неожиданных сюрпризов и расширяли читательский и вообще житейский кругозор.

Все вышеупомянутые отрывочные и, можно сказать, хаотические сведения постепенно формировали личность Мацкевича, постепенно приводили к первому зрелому периоду его творчества, который начался в 1922 г., когда Мацкевич основал в Вильно ежедневную газету «Слово» и стал ее главным редактором. «Слово» издавалось до самого начала Второй Мировой войны. Постепенно из провинциальной газеты с тиражом в несколько тысяч экземпляров оно превратилось в одно из самых влиятельных польских периодических изданий. Во времена наибольшей популярности газету привозили из Вильно в Варшаву и Краков утренними поездами, а перед киоском, в котором можно было ее купить, уже выстраивалась длинная очередь, так что иногда даже и не всем желающим удавалось достать заветный экземпляр. «Слово» перепечатывали в других газетах, со «Словом» спорили, а самого главного редактора часто вызывали на дуэль (не только по газетным причинам...). Согласно моде XIX века на каламбуры, можно сказать, что «Слово» было у всех на устах.

Но надо еще ответить на вопрос, что привело к такой невероятной популярности провинциальной газеты. Прежде всего, вероятно, передовые статьи самого Мацкевича. Передовицы Мацкевич писал поздно ночью, когда очередной номер был уже закончен и можно было сосредоточиться на выработке публицистической и полемической сути его содержания. Дочь Мацкевича вспоминала, что однажды поздней ночью, когда отец по своему обыкновению возвращался из редакции домой через виленский парк, называемый «телятником», на него напали. В другой раз к ним в дом подкинули бомбу, но, к счастью, никто не пострадал. С тех пор Мацкевич начал носить с собой револьвер и трость со стилетом.

Однако причиной популярности «Слова» были не только передовые статьи Мацкевича. Существенна была также «открытость» газеты. В 1931 г. Мацкевич начал сотрудничать с виленской авангардной поэтической группой «Жагары». В ее состав входило несколько молодых поэтов, в том числе Чеслав Милош и Ежи Путрамент. (С последним из них Цату пришлось столкнуться много лет спустя, когда он вернулся на родину из эмиграции. К тому времени Путрамент стал одним из приближенных коммунистической власти). Вначале, несмотря на левые взгляды молодых поэтов и их «катастрофизм», их сотрудничество со «Словом» проходило весьма успешно. На протяжении нескольких месяцев к газете даже добавлялось литературное приложение «Жагары». Можно думать, что Мацкевич не только хотел таким образом еще больше повысить популярность своей газеты, но и стремился как-то «перевоспитать» юных литераторов. Этого у него, конечно, не получилось, и еще до окончания 1931 г. «Жагары» перебрались в другую газету, оставшись, однако, в дружеских отношениях с Мацкевичем.

Очень важно было и политическое направление Цата. Говоря о Мацкевиче, необходимо хотя бы упомянуть о его политической направленности — монархизме. Цат, кажется, был монархистом с самого начала своей сознательной жизни: и в тайной политической студенческой организации «Зет», и в любви к Юзефу Пилсудскому, и в роли автора очерков, статей и фельетонов, и будучи редактором «Слова», и впоследствии, исполняя обязанности польского парламентария в стране и в изгнании. В одном из личных разговоров, Мацкевичу был задан вопрос о причинах его политических склонностей, и он ответил так:

«— Почему вы монархист?

— Вы не понимаете?

— По причине привязанности к традиции?

— Не только. Я повседневный монархист. Сегодняшний, завтрашний, всегдашний. Убеденный.

— Вы можете мне объяснить, почему?

— (...) Психология. А ладно, пусть будет психология. Не стоит пренебрегать человеческой натурой. Человек носит в себе потребность восхититься кем-то, прежде чем начнет сознательно его поддерживать.

— Я не понимаю.

— Счастливы те государства, такие как Англия или Швеция, где по-прежнему есть король, хотя он и не правит, потому что этим занимаются за него другие. Но король пред-ста-ви-тель-ству-ет. Король всегда и везде присутствует: читает речи, пожимает кому-то руку, открывает выставки. Он личность популярная, симпатичная. Когда наследник трона заключает брак, толпы проводят целую ночь под зонтами, чтобы увидеть проезжающую карету и лоскуток вуали. А когда у королевы роды, вся Англия дожидается колокольного звона. Таким образом удовлетворяется потребность в любви. Короля любят, а премьера выбирают. А мы путаем потребность чувств с государственными интересами. Они голосуют за тори или с ними борются, потому что их поддерживают или, наоборот, не приемлют их программу.

Ну а мы?

Несчастливы те народы, которые по причине отсутствия объектов любви начинают восхищаться господином президентом, премьером, министром иностранных дел. Как же тяжело им будет в час разочарования или изменения правительства».

Интересно, что понимание роли монархизма в жизни общества, представленное в приведенном выше отрывке из беседы с Мацкевичем, вовсе не характерно для западноевропейской ментальности. Хотя приводит он политические и социологические примеры из жизни стран Западной Европы. Кажется, что всё-таки этот образ мышления характерен прежде всего для русской ментальности. По сути дела никто на Западе со времен Средневековья не говорит таким образом о роли монархии в общественной жизни, но зато таким образом говорили и думали многие русские, а в том числе и Достоевский.

Монархические взгляды в публицистике Мацкевича проявлялись прежде всего в его антинационалистических статьях. «Слово» боролось с национализмом и самих поляков, и национальных меньшинств, населявших довоенную Польшу. Цат провозглашал в своих статьях польскую державу, находящуюся на многонациональных и многоэтнических землях. Национализм и шовинизм в его взгляде на мир были внутренней угрозой этой державе.

Политические контакты, установленные Мацкевичем за время издания «Слова» и ранней деятельности в молодежных политических организациях, а также авторитет, приобретенный писателем благодаря его статьям и политическим фельетонам, привели к тому, что в 1928 г. он был избран депутатом Сейма. Его можно назвать поистине романтическим политиком: во время подготовительных работ по созданию новой конституции он был полностью отдан своему делу (хотя по-прежнему оставался на посту главного редактора своей газеты), а при том оставался человеком нетерпеливым, энергичным, стремительным и вспыльчивым. Изменения в польской внутренней политике и непреклонность Цата, его приверженность старым идеалам привели в 1939 г. депутата-редактора к тюремному заключению в лагере для политзаключенных в Березе, которое продолжалось, к счастью, всего 17 дней. Главным обвинением Мацкевичу был его антиправительственный уклон. Мацкевич перестал быть депутатом Сейма в 1935 г., в год смерти Юзефа Пилсудского, и начиная с этого времени крайне резко критиковал польскую внешнюю политику и систему обороны страны. После освобождения из лагеря Цат принял решение на некоторое время отойти от журналистики, но вернуться к ней уже не успел.

Начало войны застало Мацкевича в Вильно. Оттуда он сразу же направился в Каунас, а потом напрямик в Париж. Впоследствии он сам говорил, что, уезжая из Польши, «пищал как мышь». Взять с собой семью (жену и двух дочерей) у него не получилось. Их держали под домашним арестом в Волковыске.

В январе 1940 г. Мацкевич был включен в число депутатов эмигрантского Национального совета. Немалую роль в этом сыграло политическое прошлое Мацкевича и его заключение в Березе. Еще раньше Цат начал налаживать в Париже новое издание своего «Слова». Без малейшего преувеличения можно сказать, что он просто задыхался, оттого что не мог писать. Его старания не остались безуспешными, и уже вскоре ему удалось наладить выпуск своей еженедельной газеты.

Не только Мацкевич, но и все польские эмигранты в Париже, чувствовали в то время своего рода *deja vu*. Польша проиграла войну, а часть польской интеллигенции вынужденно оказалась в эмиграции. История середины XIX века повторилась. Снова Париж, снова ссоры, снова разные политические группировки. И снова надо было по-прежнему бороться. Сражение Мацкевича с действительностью проходило на двух фронтах: внутреннем, эмигрантском, публицистическом, и внешнем — политическом. На страницах своей газеты он анализировал причины краха Польши и критиковал поведение Рыдза-Смиглого, генерального инспектора вооруженных сил, а с начала войны — и верховного главнокомандующего. Внешняя, политическая деятельность оказывалась еще более трудной. После капитуляции Франции польскому правительству было предоставлено убежище в Лондоне. Но Мацкевич старался думать прежде всего о будущем страны и не повторять старых ошибок. Поэтому он стремился уговорить президента остаться в Париже и начать мирные переговоры с Германией. Только в сотрудничестве с Германией, даже нацистской, он видел какие-то шансы на восстановление независимости Польши. Эти уговоры не только не принесли результата, но и выставили Цата перед польской эмиграцией в неприглядном свете.

Несмотря на свои первоначальные заявления, Мацкевич все-таки отправился вместе с другими членами Национального совета в Лондон. В его частной переписке отчетливо видно, насколько трудным было для него это время. Единственным убежищем от постоянных политических ссор, от трагических новостей с родины, от неясных и тревожных известий о семье стали для него стены Британского музея. Он почти ежедневно уходил

туда на много часов, чтобы читать, чтобы перенестись в иной, выбранный им самим, мир. Одним из таких альтернативных миров стал для него Петербург XIX века и Достоевский. Один биограф Мацкевича пишет:

«Я скажу одно: он хотел убежать, далеко и еще дальше от эмигрантских огорчений, малых и больших, на нейтральную и плодоносную землю, а в Британском музее он нашел замечательно каталогизированные материалы о писателе. И добавлю еще одно менее прозаическое предположение: Достоевский, петрашевец и апологет царя, мистик и шулер, внук попа с претензиями на польский дворянский герб, проситель редакторов и чиновников, Достоевский-гений — с гимназической молодости в Вильно сопровождал как черное пламя его [Мацкевича] писательской фантазии, прежде прочих и превыше прочих. Тому есть достаточно доказательств. Как же можно было лучше, еще больше ва-банк испробовать свои силы? И отсюда, хотя бы частично, вытек этот выбор. Выбор, дававший вместе с тем шанс пробиться к английским читателям».

И всё же этот выбор не перестает удивлять. Многие восторженные читатели Достоевского отворачивались от него во время войны. Так было по крайней мере с поляками, так было, к примеру, с Милошем. Да и книга Мацкевича вовсе не представляет мир и самого писателя в радужных очертаниях, она ярко освещает всю ту грязь, которой полны некоторые страницы автора «Братьев Карамазовых». На ее первых страницах Мацкевич писал:

«Христианский моралист. Сам Достоевский стал источником понятия “достоевщина”. Так мы сегодня называем среду людей, стоящих на границе сумасшествия, неспособных справиться со своими сумасшедшими или странными страстями. Достоевский занимался своим психологическим анализом как бы при помощи микроскопа: человеческие недостатки, чтобы к ним лучше присмотреться, лучше их узнать и лучше объяснить, преувеличивал до фантастических размеров. Вы видели глаз мухи в микроскопе? Он похож на кратер вулкана. Романы Достоевского — это постоянный крик и скандал. Это следствие метода наблюдения Достоевского, который даже тихие, обычно утаенные человеком чувства, громко выкрикивает наружу. И на этом основывается фантастический характер творчества Достоевского».

А значит, «достоевщина», и грязь, и направленный на эту грязь микроскоп. Может быть, таким образом — наперекор всему — Мацкевичу было легче справиться с эмигрантским болотом, идя под руку с Достоевским и в мире Достоевского, чем, к примеру, в компании Толстого (хотя и о нем Мацкевич задумал книгу, но уже много позднее, в ПНР). Ибо несмотря ни на что весь ужас автора «Идиота» — это ужас фантастический, преувеличенный, помогающий понять и затем побороть темноту. Может быть, такая «школа жизни» и была в те пасмурные, одинокие времена Мацкевичу необходима.

Кажется, именно эту мысль о фантастическом художественном методе Достоевского, проходящую лейтмотивом по всей книге, можно назвать самым значительным открытием польского писателя в области «достоевщины». Искривленная перспектива художественного мира романов Достоевского ранее так сильно извращала взгляд на его романы, что сама по себе оставалась незамеченной, как изношенная целлофановая пленка, как приросшие к лицу темные очки.

Мацкевич смотрит на жизнь Достоевского (в первую очередь жизнь, а потом — творчество) как на загадку. В различных литературных героях и повторяющихся типах героев он видит прежде всего людей из ближнего и дальнего окружения писателя. И важно тут не то, чьи карикатуры и воспоминания о ком появляются в романах Достоевского под маской литературного персонажа — эта тема уже полвека назад была порядком изношена, а то, кого и с кем писатель в своих литературно-философских трудах сталкивает, кого с кем заставляет «поговорить по душам».

Но важны оказываются и живые люди — среда, в которой Достоевский пребывает и формируется как писатель. Больше всего внимания посвятил Мацкевич Тургеневу, Некрасову и, конечно, «неистовому Виссариону». Тут просвечивают черты Шестова и его знаменитых высказываний о роли старых учителей.

Я думаю, что русскому читателю будут интересны и те отрывки из книги, в которых идет речь о польско-русских отношениях. Известны культурно-политические взгляды Цата, согласно которым он был неподдельным русофилом и в то же самое время лютым врагом большевизма, социализма и коммунизма. Его глубокое понимание русской культуры и ментальности было тесно связано с непоколебимым мнением об основных цивилизационно-культурных отличиях, которые неизменно приводят ко многим, часто трагическим недоразумениям в польско-русской истории.

В 1946 г. Мацкевичу удалось вернуться к своей публицистической деятельности. Он начал издавать двухполосную газету «Львов и Вильно». Он был практически ее единственным автором, который на этих страничках выражал свою злость и отчаяние по поводу потери Польшей восточных земель, прежде всего своего любимого, единственного Вильно. Впоследствии он пришел к выводу, что такого рода агитация не принесет

никакой пользы (а ведь Цат до конца страстно верил в смысл всех своих политических и писательских затей) и принялся убеждать эмигрантское сообщество, что геополитический порядок, установленный в Ялте, продлится многие годы. Такого рода взгляды могли порождать в польских эмигрантах прежде всего враждебное отношение к их автору.

Несмотря на сложную обстановку, в 1954 г. Мацкевич был выбран главой польского правительства в изгнании. Он, как и всегда, полностью отдался своей работе, литература и публицистика решительно отошли на второй план. Премьер-министр перестал просиживать многие часы в библиотеке, а статьи в его газете стали появляться намного реже и носили уже иной характер. Теперь он обращался в них к эмигрантскому сообществу не как представитель оппозиции, а с перспективы главы правительства, определяющего отношение эмиграции к стране.

На протяжении последних годов Мацкевич не переставал раздумывать над возвращением на родину. Причин этого желания может быть много. Одни говорят о писательской тщетности: из Лондона или Парижа Мацкевичу слишком трудно было пробиться к широкой польской аудитории. Другие обращают внимание прежде всего на ностальгию и плохие материальные условия эмиграции. Третьи пишут о том, что политические старания правительства в изгнании носили всего лишь показанный характер и т. д., и т. п. Ближе всего к истине кажется мысль о том, что Мацкевич хотел разбить заколдованный круг судьбы польского эмигранта. Разрушить ту модель поведения, которая вот уже более ста лет заставляла эмигрантов быть пророками, лишенными родины, хранящими яркие воспоминания о ней, а по сути дела знающими ее только понаслышке. Он согласен был примириться с властями ПНР, лишь бы только вернуться к себе и к своим.

Как недавно удалось выяснить его биографам, он вел переговоры о возвращении в Польшу еще с 1947 года. Но вначале правительство ПНР требовало от него слишком многого — полного отказа от журналистики. В 1956 г., во время «октябрьской передышки», им удалось-таки прийти к согласию, и Мацкевич вернулся в Варшаву. Вначале режим и цензура пропустили восемь его книг и сборников статей, в том числе «Достоевского». Но Мацкевич оказался слишком непокорным духом, чтобы такая идиллия могла продолжаться вечно.

В это время (1950-е — 1960-е) его интересовали главным образом проблемы цензуры. Именно по его настоянию было написано известное «письмо 34-х». Кроме того, Мацкевич стал первым польским публицистом, который, живя на родине, стал корреспондентом парижской «Культуры». Под псевдонимом Гастон де Серизе он пять-шесть раз отправлял по почте на адрес Юзефа Чапского свои тексты, посвященные внутренним вопросам, особенно отношениям в среде деятелей культуры.

После того как дело раскрылось, Мацкевичу невозможно было избежать уголовного процесса.

Но надо полагать, что он к этому и стремился. Власти, однако, оказались довольно терпеливыми. Кроме цензурных обострений (на протяжении некоторого времени само имя Мацкевича не могло появляться в печати) и допросов, по отношению к писателю не приняли никаких особых мер. Процесс бесконечно затягивался. В 1966 г. Станислав Цат-Мацкевич умер у себя дома от сердечного приступа.